

Научная статья. Политические науки
УДК 321(591/599)
DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-011-029

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНО АЗИИ

Дмитрий Валентинович МОСЯКОВ¹

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mosyakov.d@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-8391-2472>

Аннотация: Статья посвящена анализу взаимодействия в странах Юго-Восточной Азии политических систем и механизмов власти. Показывается, что в этих государствах такие структуры не всегда тождественны друг другу. Автор также стремится доказать, что изучаемый в статье образ – реально существующий политический процесс в странах ЮВА, не может быть полностью отображен и понят в рамках наиболее известных западных моделей функционирования политических систем, что никакая интерпретация, даже самая талантливая, не способна раскрыть реальную сущность и многие особенности политического процесса в этом регионе мира.

Ключевые слова: политическая модель, механизм власти Юго-Восточная Азия, политическая система, правящая элита, публичная демократия

Для цитирования: *Мосяков Д.В.* Политические модели, механизмы власти и политические системы в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022, Том 1, № 1 (54). С. 11–29. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-011-029

Original article. Political science

POLITICAL MODELS, MECHANISMS OF POWER AND POLITICAL SYSTEMS IN THE SOUTHEAST ASIAN COUNTRIES

Dmitry V. MOSYAKOV¹

¹ Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow,
mosyakov.d@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Abstract: The article is devoted to the analysis of interaction in the countries of Southeast Asia of political systems and mechanisms of power. It is shown that in these states such structures are not always identical to

each other. The author also seeks to prove that the image studied in the article – a real-life political process in the countries of Southeast Asia, cannot be fully displayed and understood within the framework of the most famous Western models of the functioning of political systems, that no interpretation, even the most talented one, can reveal the real essence and many features of the political process in this region of the world.

Keywords: political model, mechanism of power Southeast Asia, political system, ruling elite, public democracy

For citation: Mosyakov D.V. Political Models, Mechanisms of Power and Political Systems in the Southeast Asian Countries. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2022, T.1, №1 (54). Pp. 11–29. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-011-029

Когда мы сегодня говорим об историческом успехе государств Юго-Восточной Азии, которые за относительно короткий временной период добились впечатляющих успехов в экономике, в качестве жизни людей, преобразовании инфраструктуры, повышения уровня образования, мы чаще всего обращаем внимание на правильные и последовательные внутриэкономические и внешнеполитические решения, которые собственно и привели к такому позитивному результату. Такой подход, однако, показывает только внешнюю сторону процесса, но часто оставляет без должного внимания другой аспект их очевидного успеха – политическую систему или точнее – политические системы, а еще точнее – механизмы власти, которые в них существуют. А ведь именно они и формируют модель развития – в их рамках принимаются важнейшие решения, которые собственно и обеспечивают успешное продвижение вперед. В этой связи анализ механизмов власти в странах ЮВА, как важнейших элементов политической системы, представляет большой интерес, так как позволяет понять как управляется то или иное государство ЮВА. Интерес представляет и взаимодействие политической системы и реального механизма власти. Собственно исследованию этих вопросов и посвящен настоящий текст.

Но, прежде чем перейти к подробностям организации власти и механизмов ее реализации в государствах ЮВА, имеет смысл определиться с ключевыми терминами и представлениями о власти, рассмотреть различные стратификации существующих ныне политических систем. Это непростая задача, так как само понятие политической системы не одномерно, существует масса различных дефиниций, причем иногда на первый взгляд довольно странных, например, у

Т. Парсонса, политическая система определяется «как “черный ящик”, внутреннее устройство которого не так важно, но который взаимодействует с окружающей его политической средой»¹; Д. Истон представил политическую систему как развивающийся и саморегулирующийся организм, активно реагирующий на поступающие извне импульсы – команды².

Есть и намного более конкретные и предметные определения, например, что это «организованная на единой нормативно-ценностной основе совокупность отношений политических субъектов, осуществляющих власть, или совокупность государственных и негосударственных институтов и норм, в рамках которых проходит политическая жизнь общества, или способ узаконения государственного принуждения, как механизм регуляции взаимоотношений между людьми и даже как совокупность институтов, норм, идей, организаций, их взаимодействий, в процессе реализации политической власти»³. Есть еще и другие определения, но все они, так или иначе, передают сложность и многосторонность изучаемого нами явления. В любом случае, политическая система рассматривается как сложный механизм, который включает в себя отдельные элементы – подсистемы, каждая из которых охватывает определенную часть политического поля. Такие подсистемы – институциональная; нормативная; функциональная; коммуникативная и культурно-идеологическая⁴ не только формируют целостность самой политической системы, но и позволяют посредством выделения и сравнения этих подсистем установить их схожесть и различие, проводить разнообразные сравнения в рамках их упорядоченной совокупности и целостности.

Следует отметить, что наиболее распространенную и принятую в современной политологии дефиницию политической системы сформулировал Габриэль Алмонд, который определил ее как «систему взаимодействия, которая выполняет функции интеграции и адаптации (внутри общества, вне его и между обществами) посредством применения или угрозы применения более или менее легитимного физического принуждения. Политическая система, по его мнению, является легитимной, поддерживающей порядок и преобразующей системой в обществе. Это узаконенная сила, пронизывающая все «входящие» и «исходящие» факторы общества и придающая ему особые свойства и смысл, обеспечивающая его сплоченность как системы»⁵.

Следует отметить, что Г. Алмонд стремился исследовать прежде всего не динамику политических процессов, более важным он полагал понять процесс формирования и значение устойчивых структур поли-

тической системы. Термины «структура» и «культура» занимают главное место в его анализе, причем рассматриваются они в рамках компаративистских подходов⁶. Под понятием «структура» Г. Алмонд подразумевает доступную наблюдению деятельность, которая формирует политическую систему. «Та конкретная часть деятельности людей, которая участвует в политическом процессе, он называет роль. «Роли — это единицы, из которых комплектуются все социальные системы, включая политическую. В связи с этим одним из основных компонентов политической системы является политическая роль. Конкретные совокупности взаимосвязанных ролей составляют структуры. Например, судья — это роль, суд — структура»⁷

Из этих рассуждений Г. Алмонда мы можем сделать вывод о теснейшей взаимосвязанности роли и структуры, то есть, иначе говоря, людей и сообществ, в которых они состоят. Важно, что характер их взаимодействия будет зависеть, как от качеств личности конкретного человека, так и от характера того же, приведенного Г. Алмондом в качестве примера, суда. То есть уже здесь, на этом уровне взаимодействия, возникает перспектива самых разнообразных политических опытов и стратегий в рамках формально однотипных политических структур. Из таких рассуждений Г. Алмонда вытекает важный вывод о том, что политические системы и механизмы власти суть не тождественные элементы. Одни и те же по устройству политические системы могут функционировать совершенно по-разному в силу того, что механизм власти, то есть роли людей в социумах, могут быть совершенно различны. Страны Юго-Восточной Азии являют прекрасный пример этого феномена.

Нельзя не отметить также, что Г. Алмонд рассматривает политическую систему как структуру, активно действующую сразу на трех уровнях национального сообщества: первый уровень — власть правительства над обществом, степень влияния на умы и поведение людей в интересах достижения правительственных целей. Он справедливо полагает, что именно демократическая система наиболее эффективна с точки зрения обратных связей с обществом. Он пишет, «что именно в демократических политических системах на «выводы» регулирования, экстракции и распределения — то есть на совокупность мер проводимых правительством влияют «вводы» требований групп. Поэтому можно сказать, что демократии имеют более высокую реагирующую способность. С этим, безусловно, связана эффективность политической системы, то есть ее общая способность давать результат, создавать и размещать ценности»⁸.

Второй уровень функционирования политической системы отражает, по его мнению, то, что происходит в ней самой, то есть имеется в виду так называемый конверсивный процесс. Конверсивные процессы (или функции) — это способы превращения входящих факторов в исходящие, то есть нечто совершенно особенное – осмысление, понимание и действие – связанное не только с собственно системой, но и с качеством аналитической работы административного персонала, получающего и отправляющего обратно в общество определенные сигналы. Очевидно, что простой связи национального сообщества и структур, регулирующих его жизнь, недостаточно для эффективной политики. Для этого следует проанализировать, как полученная информация от общества перерабатывается во властных структурах и какой отклик или реакцию она вызывает. При этом Г. Алмонд проходит мимо того очевидного факта, что конверсивный процесс в авторитарном обществе, объединенном вокруг лидера или группы лидеров, или какой либо одной политической партии, оказывается, подчас, намного более эффективным, чем в условиях демократии, когда различные и часто противоположные политические интересы делают его крайне сложным и противоречивым. Вместо согласия разнообразных политических групп вокруг «генеральной линии» происходит борьба против «генеральной линии», которая часто идет явно во вред обществу. Кстати, в странах ЮВА, как мы увидим дальше, одной из наиболее важных причин отказа от политической модели либеральной демократии в конце 50-х годов XX века стало как раз то, что возникла пропасть в рамках конверсивного процесса, который превратился в камень на пути развития и согласия в обществе. В конечном итоге он выродился не в систему взаимных балансов и компромиссов, а в систему, когда одна группа политиков навязывала другой чуть ли не силой свою программу. Пример Индонезии 1965 г. или Бирмы 1962 г. (свержение президента У Ну) или Таиланда начала 2000-х (свержение премьер-министра Таксина Чиннавата) – особенно показательны.

Но особенно актуальным для стран ЮВА представляется третий уровень в политической системе, сформулированной Г. Алмондом: «функция поддержания модели и ее адаптации, к которым он относит, прежде всего, процесс социализации и рекрутирования, в ходе которого создаются новые роли и новые люди “врывающиеся” в политическую жизнь»⁹. Здесь, опять таки, можно отметить тот факт, что в условиях демократической политической системы оба эти явления представляются намного более эффективными для повышения качества управления и адаптации, чем в авторитарной системе. В то же время, нельзя

не отметить, и очевидные слабости, когда к власти приходят совершенно неподготовленные люди, которые за короткое время своего правления совершают серьезные ошибки, и связанный с их деятельностью кризис реально угрожает выживанию самой системы. Таким был, например, неудачный опыт на Филиппинах с бывшим комиком, ставшим президентом, Дж. Эстрадой (1998–2001), своими неумными тратами и коррупцией, похоронившим все достижения предыдущего правительства, или в Индонезии – с президентом Абдурахманом Вахидом (1999–2001), собиравшимся провести в стране государственный переворот и отказаться от модели светского государства.

Очевидно, что приведенные нами теоретические построения Г. Алмонда, можно сказать классические для современной политологии, отнюдь не исчерпывают всю глубину анализа такого понятия как политическая система. Нельзя пройти мимо типологии политических систем, сформулированной Э. Шилзом. Интерес здесь представляет то, «что он между двумя крайними полюсами – демократией и тоталитаризмом выделил промежуточные формы, характерные для политических систем многих стран Востока»¹⁰.

На самый верх своей типологии Э. Шилз поместил модель так называемой «подлинной демократии» – политическую систему с относительно автономным парламентом, исполнительной властью, судами, дифференцированными и автономными заинтересованными группами и средствами коммуникаций. Понятно, что он, как и Л. Пай и многие другие западные создатели разного рода типологий политических явлений и процессов под этой моделью имели в виду лучшие образцы эффективных сбалансированных и свободных политических систем стран Запада, которые должны были стать чем-то вроде труднодостижимого маяка для стран Востока. Некий недостижимый англо-саксонский идеал практически всех сторонников бихевиоризма с однородной светской политической культурой и высокоспециализированной ролевой структурой, выступает как вполне активное и самодостаточное общество, которое способно быть однозначно эффективным. В странах ЮВА, даже самых успешных, сформировать такое «идеальное» общество до сих пор не удалось, как, впрочем, и везде в мире, в том числе и в англо-саксонских государствах.

Чуть ниже в своей типологии Э. Шилз расположил менее эффективную политическую модель, названную «опекаемой демократией». В этой «опекаемой демократии» власть хоть и находится в руках бюрократической верхушки, но общий тренд и настроения социума свидетельствуют о потенциальном движении по пути к более глубо-

кой демократизации. Фактически речь идет о переходе путем переворота или массовых выступлений по типу «оранжевой революции» от существующего политического порядка к более демократической, а главное более прозападной политической системе. Этот процесс достаточно стандартен для многих стран в мире, и, в том числе, стран ЮВА, и часто сопровождается ожесточенной политической борьбой, как это происходит в Таиланде и Бирме, в результате которой общество для своего выживания в конечном итоге призывает армию для наведения порядка и сохранения определенного баланса сил в национальном социуме. Еще одним примером возможной трансформации в рамках «опекаемой демократии» может быть Вьетнам, где с каждым годом все более усиливаются прозападные и проамериканские политические силы, опирающиеся на многочисленные НКО, и где уже не стесняясь многие люди в интеллектуальной среде, лидеры общественного мнения, говорят о неизбежном процессе так называемой демократической трансформации, то есть перехода власти от Компартии к прозападным политическим силам.

Еще одна модель по списку Э. Шилза – модернизирующаяся олигархия, когда демократические институты в политической системе отсутствуют, или они формальны, а власть принадлежит военным или гражданским бюрократам. При этом их власть они не рассматривают однозначно отрицательно, так как их цель – это модернизация экономики и, соответственно, общества. Такая модель довольно стандартна и при определенных допущениях вполне возможна даже для Сингапура, а также для Вьетнама, Лаоса, и Камбоджи, где местная бюрократия вполне успешно реализует задачи национального развития.

Кроме вышеописанных Э. Шилз выделяет еще две актуальные консервативно-патриархальные модели: «тоталитарной олигархии» – как политической системы с концентрацией власти в руках правящей элиты, отсутствием автономных заинтересованных групп, тотальными формами социальной мобилизации и «традиционной олигархии», представляющей из себя династический или семейный режим, который негативно относится к любым изменениям и стремится к сохранению существующего порядка вещей»¹¹. Для стран ЮВА модель «тоталитарной олигархии», хочется верить, уже позади и ужасы полотовского правления в Камбодже (1975–1979) надолго отбили охоту к разного рода тоталитарным экспериментам по всему региону. Относительно модели «традиционной олигархии» – здесь очевиден пример Брунея, где монархия на основе исторической харизмы активно и успешно борется за свое выживание.

При более широком анализе разных интерпретаций политических систем, которые можно встретить в государствах ЮВА, нельзя не обратить внимание и на очень точную типологию, предложенную еще одним известным западным политологом Ч. Эндрейном. Этот ученый выделяет четыре типа политических систем: народную (племенную), бюрократическую и авторитарную, согласительную и мобилизационную. Классификация строится автором по трем принципам: 1) ценностные иерархии и интерпретация культурных ценностей, оказывающих воздействие на формирование политических приоритетов; 2) воздействие на политический процесс со стороны: правительства, политических партий, социальных групп внутри страны, а также различных иностранных институтов; 3) политическое поведение национальных лидеров и масс¹².

В типологии Ч. Эндрейна народная племенная система, основанная на социальной однородности и общинной солидарности с руководством со стороны местных шаманов и племенных вождей, в странах ЮВА хотя и существует, но распространена очень дисперсно. Так живут отдельные племена горных кхмеров и горных чамов, отдельные племена на бирманско-индийской границе, в лаосском высокогорье, и главным образом в индонезийском Папуа и независимой Папуа – Новой Гвинее. В силу объективных причин экономического и социально-политического развития такая модель организации общества, хотя и продолжает существовать, но ее влияние очень невелико, и даже в самых бедных странах – Лаосе и Камбодже явно сходит на нет и, вполне вероятно, вскоре вообще исчезнет под давлением идущих в регионе перемен, либо останется как некий феномен какого-то отдаленного и крайне отсталого региона.

Вторая выделенная им модель политической системы – бюрократически-авторитарная является сегодня чуть ли не основной для стран Юго-Восточной Азии, причем она может успешно действовать в таком развитом экономически государстве как Сингапур, так и в неизмеримо менее развитой Камбодже. Как здесь не вспомнить Г. Алмонда с его концепцией «роли и структуры». Структуры общие, а роли, то есть люди, – совершенно разные. Для этой системы характерен бюрократический контроль, как эффективная форма политического господства существующих правящих элит. Эта же бюрократия формирует и социальное ядро правящего класса, давно и тесно «завязанного» на американские ценностные ориентации и идеалы. Опять-таки, если сравнить, казалось бы, несравнимое – Сингапур и Камбоджу, то мы увидим, что и там, и там дети высших руководителей про-

ходили обучение в США: сын Ли Куан Ю – нынешний премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун¹³ получил степень магистра государственного управления в Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета, а сын Хун Сена – Хун Манет, недавно официально объявленный преемником отца на посту главы государства окончил Военную академию США в Вест-Пойнте, где проходил обучение с 1995 по 1999 гг. Практически всё окружение этих лидеров, составлявших ядро национальной бюрократии, следовало их примеру в воспитании своих наследников и поэтому неудивительно приверженность нынешних правящих элит таких разных стран западным политическим и жизненным ориентирам, тем более, что там за время учебы они давно заручились важными связями и контактами.

Таким путем правящие элиты в странах ЮВА встраиваются в более глобальные объединения, формируя свой внешнеполитический курс в зависимости от общего тренда, задаваемого в Америке и Европе. Внутри страны бюрократическая верхушка действует по большей части довольно жестко, в Сингапуре, например, местная бюрократия полностью контролирует политическое поле, сохраняет контроль над ключевыми экономическими активами и даже регулирует образ жизни большей части населения города-государства, оставаясь при этом интегральной частью глобального западного сообщества.

Нельзя пройти мимо и третьего по классификации Ч. Эндрейна типа политической модели – это аграрные индустриализирующиеся системы, которые также довольно широко распространены в странах Юго-Восточной Азии. «Характерными чертами таких систем является очевидное преобладание власти государства и лидера (принудительная власть у Ч. Эндрейна) над консенсуальной. При этом в таких обществах существует самостоятельность частных корпораций; ограниченный плюрализм – относительно скромная роль партий; коллективизм, преобладание интересов общества над интересами личности; элитарные взаимодействия социума с властью»¹⁴.

То, что описал Ч. Эндрейн, встречалась и встречается ныне в отдельных государствах ЮВА. Особенно актуальными для стран региона его выводы были применительно к 50–80-м годам и соответствовали периоду быстрой модернизации и экономического роста. Во всех этих процессах вполне явно прослеживается направляющая рука власти, как, например, в Таиланде – в 50–80-е годы или в Индонезии – в 70–80-е годы, в Малайзии – в эпоху Мохатхира Мохамата, Сингапуре – в правление Ли Куан Ю, на Филиппинах – в начальный период правления президента Ф. Маркоса в 70-е-80-е годы, и даже в Камбод-

же – в период правления премьер-министра Хун Сена. Следует отметить, что в целом аграрно-модернизирующиеся системы оказались чрезвычайно эффективными, и их появление почти всегда означало позитивные социально-экономические перемены, связанные с развитием городов, национальной инфраструктурой, повышением качества здравоохранения и образования.

Образцовой, с точки зрения Ч. Эндрейна должна была стать так называемая согласительная система. Судя по всему, Ч. Эндрейн полагал, что именно к этому образцу государственного и общественного устройства следует стремиться, так как именно он представлял собой воплощение демократических идеалов свободы и равенства. Политические отношения в рамках этой модели характеризовались высокой степенью плюрализма, конкуренции, политической активности граждан, свободным доступом к информации, участием граждан в разработке политического курса. Механизм власти выстраивался в ней как согласование интересов и как наличие правил и институтов, ограничивающих эскалацию конфликтов, а политика, как игра с установленными правилами. Полагаю, что при описании согласительной системы Ч. Эндрейн, по всей видимости, имел в виду либерально-демократический опыт западных демократий, возможно, какой-нибудь Швейцарии, но к странам ЮВА все эти полумифологические элементы идеальной, с его точки зрения, политической системы, отношения не имеют.

Хотя, какие-то отдельные элементы этой модели все-таки в странах ЮВА можно увидеть. Например, современная индонезийская консенсусная демократия, когда в результате выборов довольными должны остаться и победители и побежденные, как это было, например, в 2019 г. Тогда места в правительстве получили как противники, так и союзники Джоко Видодо – нынешнего президента, а его главный соперник даже стал министром обороны Индонезии. При большом допущении Индонезия в плане законодательства обеспечивает реальную многопартийность и общие правила игры, высокую степень политической конкуренции при сохранении плюрализма и свободы слова. В Малайзии многопартийная система, при сохранении плюрализма и свободы слова, превратилась в ключевой элемент развития демократии. Определенные шаги в этом направлении предпринимают и Филиппины.

Ч. Эндрейн выделяет еще и мобилизационные системы, имея в виду страны, выбравшие социализм как основу для модернизации. Он отмечает, что в таких системах можно наблюдать активное участие

масс в политике, наличие идеологии, общей цели, контроль государства над ресурсами. Слабость такой системы он находит в том, что в ней нет ценностного консенсуса, а существующие ресурсы делятся между элитными группами. Он полагал, что проводимая в рамках такой системы политика приводит к конфликтам внутри общества, вызывает его поляризацию.

Следует сказать, что в отношении мобилизационной экономики и сопутствующей ей политической системы, размышления Ч. Эдрейна выглядят не совсем убедительно и очень поверхностно. Чувствуется, что в такой политической системе и при таком механизме власти пожить ему не удалось. Он так и не оценил эффективность реального механизма власти, роли и значения правящей партии, ее идеологии, сопряжения этой идеологии с национальной традицией, как это произошло, например, во Вьетнаме. Более того, такие вещи как справедливость и социальное равенство, деятельность власти, направленная на то, чтобы достичь амбициозных целей и внутри страны, и за рубежом, также не учитывалось им при оценке этой модели. А все это, между тем, придавало мобилизационной системе на Востоке устойчивость и в целом успешность. В странах ЮВА мобилизационная модель не просто существовала, а была в одно время чуть ли не доминирующей, когда почти половина стран региона занимались защитой собственного рынка, ограничением внешних инвестиций, развитием предприятий госсектора, ограничениями на частный бизнес в сельском хозяйстве и на многое другое. Такие страны как Вьетнам, Лаос, с некоторыми оговорками и Камбоджа, всё еще находятся в рамках этой модели, да и Мьянма ушла совсем недалеко. Кстати, по темпам экономического роста эти страны в числе лидеров в АСЕАН, практически все они ежегодно прибавляют ВВП на 6–7%, а Лаос даже на 7–8 % ежегодно¹⁵.

Отдавая должное перечисленным выше концепциям ведущих западных политологов, следует отдавать отчет, что при всех их достоинствах, они являются лишь плодом некоего обобщения и в реальности политические системы и механизмы власти намного более разнообразны, чем в построенной ими виртуальной иерархии. Кроме того, следует отметить существование так и не решенной до настоящего времени проблемы механизма власти. Большинство западных политологов включают механизм власти в политическую систему, утверждают, что собственно политическая система и есть механизм власти. Но это не совсем так и опыт стран ЮВА, как мы увидим дальше, служит этому подтверждением. В большинстве этих стран механизм вла-

сти – это система руководства и управления, которая либо вообще не определяется законом, либо только частично описывается существующими и принятыми официально нормами и правилами. Как правило, механизм власти здесь чаще всего – удел небольшой и крайне влиятельной для данного общества группы людей, которая выстраивает политику исходя из своих интересов с учетом национальных интересов своей страны. Вопрос еще и в том, можно ли рассматривать механизм власти как самостоятельную политическую систему или ее можно назвать альтернативной существующей, или всё-таки признать, что механизм власти это существенно более узкое понятие, чем политическая система, и что его следует рассматривать отдельно как скрытый источник власти. Эта проблема сегодня крайне актуальна, так как в силу очевидных проблем, с которыми сталкивается публичная демократия и связанные с ней политические системы, мы наблюдаем процесс явного ослабления публичной власти и усиления власти скрытой, построенной на компромиссе интересов наиболее влиятельных групп и лидеров. Такие тенденции уже явно прослеживаются и в центрах демократии, например, в США, хотя с точки зрения западной историко-политологической мысли они трактуются однозначно и крайне негативно: механизм власти вне политической системы – это зло, которое должно быть преодолено по мере укрепления демократических основ власти. В этой связи нельзя пройти мимо работ С. Файнера, в которых он проводит классификацию политических режимов, упоминая, в том числе, так называемую «показную демократию» (*facade democracie*), за спиной которой скрывается как раз реальный механизм власти¹⁶.

Еще одним существенным моментом в наших размышлениях является тот факт, что механизм власти в странах ЮВА очевидно не совсем тождественен традиционной политической культуре, пронизанной социальной иерархией и всеильной волей часто обожествляемого правителя. В традиционных монархических системах все ключевые решения принимались во дворце, окружением монарха, либо им самим. Современные же механизмы власти сконцентрированы, главным образом, в стороне от фасадных верхов и больше в тени скрытых финансовых и военных иногда даже и интеллектуальных авторитетов. В конечном итоге механизм власти реализуется через консенсус влиятельных элит, что партийных во Вьетнаме, или кланово-регионально-религиозных в Индонезии, военных в Мьянме, семейно-клановых на Филиппинах, военно-олигархических в Таиланде.

Следует отметить, еще и то, что в странах Запада механизм власти, подменяющий демократическую политическую систему, ее от-

крытость и публичность, рассматривается как порок внутренней политики, как нечто, что требуется ликвидировать. Такая жесткая позиция, нетерпимая к любым отклонениям от демократической модели, носит очевидно узкодоктринальный характер и явно отдаляет построения западных политологов от той реальности, которая на самом деле существует. Они по большей части и всецело выступают за идейную чистоту публичной политики, за обеспечение максимальных свобод и возможностей отдельного индивидуума в рамках демократической альтернативы. Потому большая часть их работ не столько о скрытой власти, а о власти открытой, существующей часто формально, но это положение можно, как они полагают, изменить, путем улучшения администрирования обеспечения прозрачных процедур, понятных и открытых решений, борьбы с коррупцией и с альтернативными центрами власти. А вот как все это применить на практике и возможно ли это вообще, часто остается без ответа.

Если пойти еще дальше, то мы обнаружим, что даже самые смелые политологические концепции и конструкции, попытки структурировать окружающую нас реальность, как впрочем, и любые интерпретации ее образа, только подтверждают простой факт – реальность намного богаче и разнообразней любых теоретических построений. Этот вывод как раз и подтверждают страны Юго-Восточной Азии, с их разнообразием политических систем и механизмов власти, их причудливым взаимодействием и противостоянием, когда политическая система меняется, а реальный механизм власти нет.

Нельзя не отметить, что все эти государства существуют по большей части на стыке национальных традиций и процессов модернизации и глобализации, на тонкой грани региональной идентичности и откровенного национализма. Но именно из этого «кипящего котла» и появляются самобытные и мало на кого похожие политические режимы, которые оказываются вполне жизнеспособными и конкурентными, как это произошло, например, с камбоджийским режимом, который начинался как не имеющее реальной власти марионеточная структура, а потом превратился в успешное, опирающееся на массовую поддержку национальное правительство, или громоздкая многочисленная и сложно устроенная власть в Индонезии, которая оказалась вполне успешной и эффективной, особенно с точки зрения учета интересов большинства политических религиозных и региональных групп, что уже второе десятилетие обеспечивает политическую стабильность в стране.

Таким образом политическое поле стран ЮВА состоит как бы из двух ключевых частей: первая – это то, что провозглашается, то, что прописано в конституции или точнее конституциях, законах и постановлениях правительств. Второй уровень – это то, как формируется и осуществляется власть на самом деле, то есть, как реально живет и управляется та или иная страна.

Такая постановка вопроса представляется очень актуальной, так как даже при поверхностном анализе их политической архитектуры, сразу же бросается в глаза огромная разница между тем как работают механизмы власти и политическим антуражем, который как бы покрывает и скрывает эту действительность.

При этом следует отметить, что этот антураж очень подвижен и, как это и водится в виртуальной действительности, легко меняется – конституции переписываются помногу раз, как это можно видеть на примере Таиланда, либо просто игнорируются, как, например, в Камбодже, корректируются многочисленными поправками, как во Вьетнаме и Индонезии, а правительственные постановления часто просто отменяются. В этом демократическом навесе легко меняется все – и система выборов, форма представительства, и люди, часто формально назначенные править страной. В то же время остаются неизменными политические отношения внутри правящей элиты, балансы и контрбалансы реальной власти, неписанные правила, которые как раз и гарантируют компромисс и стабильность в стране.

Взять в качестве примера тот же Таиланд – перевороты и конституции, которые принимались одна за одной, военные режимы, перетекавшие постепенно в гражданские – всё это в истории страны составляло внешний антураж власти, а её реальный механизм, основанный на разделении влияния и полномочий между собственно тайскими и китайскими политическими и военными группами при господстве столичной политической элиты Бангкока, оставался в принципе неизменным.

Для большинства стран региона можно говорить об одновременном существовании как минимум двух политических систем (формальной и реальной) и мало зависящей от них экономической системы, которая может быть либеральна и относительно прозрачна в рамках авторитарного режима, в качестве примера можно привести Сингапур, и наоборот – коррумпирована в рамках демократического – здесь наилучший пример Филиппины. В связи с этим создается впечатление, что в странах ЮВА политическая система есть по сути самодостаточная и закрытая структура, существующая в своем полити-

ческом поле. Она может взаимодействовать, а может и не взаимодействовать с иной политической системой или суммой политических правил и понятий, существующих в одной стране. В качестве примера можно привести Камбоджу, где есть очень прогрессивная конституция, которая имеет мало общего с тем, как реально делается кхмерская политика.

Ещё следует отметить, что всем своим историческим опытом страны ЮВА как бы подтверждают, что в современном мире нет, и не может быть универсальных моделей развития, одинаково пригодных для всех стран и народов, как бы этого кому-то ни хотелось. Даже самый общий обзорный анализ эволюции политических моделей стран региона убедительно доказывает этот факт. Так, например, политическая система наиболее экономически развитого государства ЮВА – Сингапура, глубоко интегрированного в западный глобальный мир, казалось бы, должна быть выстроена на лучших демократических ценностях примерах и идеалах. В конституции Сингапура так и утверждается, что это страна суверенной демократии и она существует на принципах демократии, уважения прав и свобод гражданина и разделения властей¹⁷. Говорится еще про депутатов парламента, «избираемых гражданами Республики Сингапур на свободных и альтернативных выборах», про политические свободы граждан и свободу печати.

Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что всё, что провозглашено в Конституции, действительности мало соответствует, что у этой страны совершенно иная политическая система и соответственно политическая культура, что власть там практически наследственная, жестко авторитарная прагматичная и рациональная. Какие альтернативные выборы, когда на протяжении десятилетий все контролирует одна партия – Партии народного действия (ПНД), которая возглавляется семьей многолетнего премьер-министра страны Ли Куан Ю. Какие-то альтернативные партии и депутаты, разрешенные властью, получают регулярно 2–3 процента голосов и явно никак не могут претендовать на серьезную оппозицию и реально оппонировать правящему режиму. Какое право на демонстрацию, когда сингапурцам регулярно напоминают, что «организация или участие в публичном собрании без разрешения полиции в Сингапуре является незаконным и представляет собой правонарушение в соответствии с Законом об общественном порядке 2009 года»¹⁸.

Реальный механизм власти в Сингапуре – это правящая семья и ее окружение, внутри которых и вырабатываются ключевые решения.

Естественно, нет никаких демократических процедур – верхушка власти формируется по принципам семейственности, личной преданности и, что немаловажно, из людей обладающих необходимыми компетенциями. Система реальной власти сильно напоминает тоталитарные режимы коммунистических государств, где все ключевые вопросы решаются внутри узкой группы лиц, состоящих в руководстве правящей партии. Только после достижения ими того или иного компромисса вопрос для формального утверждения выносится в парламент. В коммунистических Вьетнаме и Лаосе все решается внутри верхушки правящей партии, и только потом, выносятся на народные собрания и Национальные ассамблеи.

На примере Сингапура прослеживается еще и очевидный дуализм – есть формально провозглашенная политическая система демократического представительства, которая существует как бы в вакууме и включается только для того, чтобы одобрить решения, принимаемые в рамках совершенно иного авторитарного и однопартийного политического порядка. Да и в отношении прав и свобод граждан – с одной стороны, демократические гарантии прав и свобод зафиксированные в конституции, а с другой – принятие правительством разнообразных законов, которые жестко регулируют всю жизнь сингапурцев (от запрета жевать жвачку, кормить птиц, ловить рыбу в черте города, до жестких ограничений в покупке личного автомобиля). Все эти и многие другие странные регламентации относительно поведения и жизни людей, скорее напоминают архаично-патриархальный механизм взаимодействия общества с властью, чем отношения в современных социумах.

В идеологии государства тоже существует очевидная двойственность. Во внутривластном дискурсе вопросы соблюдения конституции и демократических прав граждан находятся на периферии общественного и информационного поля. В центре – созидательные действия властей, вкупе с эффективной борьбой с коррупцией, которая выступает как чуть ли не главным противником процветания и стабильности¹⁹. И следует признать, что такая проправительственная пропаганда крайне эффективна – к вопросам расширения своих прав и свобод люди в Сингапуре относятся по большей части равнодушно. К арестам нерадивых и нечестных чиновников и доказательствам эффективности власти – с большим воодушевлением и фактически легитимируют существующую власть. Кстати, в соседней Малайзии ситуация складывается примерно так же. На первом месте общественного внимания – борьба с коррупцией, которая, в отличие от Сингапура, в

какой-то момент даже вышла из-под контроля властей и стала смертельным приговором многолетнему господству правительства Национального Фронта.

Следует заметить, что малазийская оппозиция после объединения и первых успехов на выборах 2008 г. выступала с аргументированной критикой политических, экономических решений правящей партии, но когда в центр борьбы за власть были поставлены вопросы коррупции правящей элиты и стало известно, что премьер-министр страны Наджиб Разак вывел из бюджета и использовал в своих целях около 1,4 млрд долларов из бюджета страны, перевел их за границу²⁰, ситуация кардинально поменялась и большинство жителей Малайзии проголосовали на выборах 2018 г. против правившего десятилетиями Национального фронта.

Как мы видим на примере Сингапура и Малайзии, да и других стран региона вопрос коррупции и эффективности власти в глазах общественного мнения смотрится куда важнее вопросов защиты демократии и политических свобод. А из этого следует, что для большинства людей, проживающих в странах ЮВА демократия и гарантии их прав вторичны, а прагматизм рациональность и эффективность власти первична. Людям в странах ЮВА, как выясняется, не так важно как власть будет организована – режим личной власти, как у Дутерте на Филиппинах, одной партии – как во Вьетнаме и Лаосе, доминантной партии – как в Камбодже, военно-гражданской администрации – как в Таиланде или просто военной – как в Бирме, но власть везде априори может быть авторитарна и недемократична, важно, чтобы она была эффективна с точки зрения защиты национальных интересов, развития экономики и повышения уровня и качества жизни людей.

В Бирме, например, армия – малоэффективна в экономике, антидемократична и агрессивна во внутренней политике, но получает поддержку миллионов бирманцев как единственная сила, которая в их понимании скрепляет всю страну, подавляя десятилетиями непрерывно тлеющий местный сепаратизм, В Таиланде армия и связанные с ней гражданские круги также крайне антидемократичны, но решительно и эффективно остановили сползание страны к гражданской войне, вернув стабильность и предсказуемость власти, и получив поддержку населения. В трех странах Индокитая авторитарная власть бывших (Камбоджа) и действующих коммунистов (Вьетнам и Лаос), к демократии и политическим свободам абсолютно враждебны, при этом они реально эффективны в сфере экономического роста и нацио-

нального развития, на Филиппинах права граждан нарушаются с пугающей регулярностью, но президент Р. Дутерте решителен и эффективен в борьбе с исламскими радикалами, с коррупцией и наркомафией и пользуется массовой поддержкой большинства филиппинцев.

Таким образом, мы видим, насколько предпочтения людей в странах ЮВА отличаются от тех, которые есть у жителей Европы и Америки. Другая история, другая культура, другие приоритеты. Видимо поэтому, рассмотренные нами политические модели реализуются на практике в странах ЮВА лишь частично и очень многие положения просто повисают в воздухе, что говорит, что ценности демократии и свободы, которые утверждаются как универсальные, такими на самом деле не являются, по крайней мере, для политической культуры стран ЮВА.

В этом регионе можно обнаружить всё разнообразие политических систем: они могут быть и вполне демократическими, как в Индонезии и на данный момент в Малайзии, могут быть авторитарны, как во Вьетнаме и Лаосе и псевдодемократическими, как в Сингапуре и Камбодже, могут быть построены так, чтобы армия и военные играли в такой системе ведущую роль, как в Таиланде и Мьянме. Но при всем их внешнем отличии друг от друга их объединяет то, что параллельно с конституцией и законами, параллельно с принятыми официально нормами и правилами организации власти и общества, во всех национальных социумах активно и эффективно действуют механизмы власти основанные на так сказать понятиях, на традиции, на авторитете того или иного человека, финансовых возможностях тех или иных личностей и компаний. Такая общность в различии очень напоминает ситуацию в религиозной сфере – христиане во Вьетнаме и на Филиппинах, мусульмане в Индонезии и Малайзии, буддисты махаяны во Вьетнаме и буддисты хинаяны в Камбодже, Таиланде, Бирме и Лаосе – все они объединяются общим кругом представлений о культе духов – хранителей общины и культе предков, которые существуют всюду вне зависимости от мировой религии, доминирующей в том или ином регионе. Так что различие и сходство в культуре и представлениях людей в Юго-Восточной Азии имеет глубокие историко-культурные корни и они проявляются и в сегодняшнем мире.

Страны ЮВА с 1950-х годов перепробовали различные варианты организации власти в стремлении сформировать такую политическую систему, которая в наибольшей степени отражала бы особенности национальных сообществ. Некоторые из них, как например Индонезия и Малайзия и при определенных допущениях Филиппины уже

почувствовали «землю под ногами», когда механизм власти переходит в сферу публичной политики, другие страны все еще находятся в поиске и им предстоит еще длительный путь к удобной и понятной для большинства граждан системе власти.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. MOSYAKOV, DSc (History) Professor, Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 09.05.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 09.05.2022; approved 19.05.2022; accepted to publication 27.05.2022.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998.

² Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953; Дэвид Истон, Подход к анализу политических систем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 51; The Analysis of Political Structure, New York: Routledge, 1990.

³ Подробнее см.: URL: https://studopedia.ru/10_208065_politicheskaya-sistema.html

⁴ URL: <https://www.sites.google.com/site/ivt465/7-semester/politolog/48>

⁵ <https://banauka.ru/2251.html>

⁶ Gabriel Almond and G. Bingham Powell, Comparative Politics. Boston: Little, Brown, 1966.

⁷ См. подробнее: Almond, Gabriel A. 1966. "Political Theory and Political Science." American Political Science Review 60(4): 869–879; Almond, Gabriel A. 1988. "The Return to the State." American Political Science Review 82(3): 853–874; URL: https://stud.opedia.ru/26_65670_model-politicheskoy-sistemi-almonda.html

⁸ URL: <https://www.1bcm.ru/osnovnye-vidy-i-urovni-funkcionirovaniya-politicheskoi-zhizni.html>

⁹ URL: <https://center-yf.ru/data/stat/politicheskie-sistemy-obshchestva.php>

¹⁰ См.: Edward Shils. On the Constitution of Society. University of Chicago Press, 1982; Edward Shils. Center and periphery: essays in macrosociology. University of Chicago Press, 1975; URL: https://studopedia.su/19_103863_tipologiya-afro-aziatskih-politicheskikh-rezhimov.html

¹¹ Там же.

¹² Чарльз Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. URL: http://www.libma.ru/politika/sravnitelny_analiz_politicheskikh_sistem/p2.php; URL: <https://megaobuchalka.ru/9/5506.html>

¹³ Астафьева Е.М. Глава 8. Ли Сянь Лун – достойный сын великого отца // Многоликая элита Востока, Том 1 (Коллективная монография) / отв. ред. – сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. С. 331–336.

¹⁴ Чарльз Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем...

¹⁵ URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1762/sZwxAXnKOD.pdf>

¹⁶ Samuel E. Finer. Comparatwe Government. Baltimore: Penguin, 1970.

¹⁷ URL: <https://politsim.ru/threads/konstitucija-respubliki-singapur.2473>

¹⁸ URL: <https://ria.ru/20220310/singapur-1777466216.html>

¹⁹ Подробнее о борьбе с коррупцией в Сингапуре см.: Астафьева Е.М. Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика // Азия и Африка сегодня. № 1 (702), 2016. С. 52–59.

²⁰ URL: <https://www.smh.com.au/world/14-billion-reportedly-deposited-in-malaysia-pm-najib-razaks-account-20160301-gn7836.html>